

Социальная организация монастырского новоземельского промысла в XVII – начале XVIII в.

Сергей Никонов

The social organization of monastic fisheriers in the Novaya Zemlya in the 17th – early 18th century

Sergey Nikonov (Murmansk Arctic State University, Russia)

Особенностью экономического развития Русского Севера в XVI–XVIII вв. была организация хозяйственной деятельности на арктических территориях, непригодных для жизни человека. Одна из них – архипелаг Новая Земля, группа из двух больших (Южного и Северного) и ряда малых островов, находящихся на 75°14' северной широты, омываемых Баренцевым и Карским морями. Архипелаг стал известен русским не позднее XVI в.¹, однако первые свидетельства о пребывании здесь русских промышленников сохранились в иностранных источниках. В июле 1556 г. с русскими в районе небольшого острова Междушарского повстречалась английская экспедиция С. Барроу². Многочисленные свидетельства пребывания русских промышленников на Новой Земле содержатся в описании голландской экспедиции Виллема Баренца (1594–1597 гг.), составленном её участниками Херритом де Вейром и Яном ван Линсхотеном. Это упоминания о деревянных поклонных крестах, избах и останках разбившихся судов, обнаруженных на островах, а также о встречах с поморами-промышленниками, с которыми столкнулись уцелевшие члены экспедиции, возвращавшиеся с Новой Земли летом 1597 г.³ С конца XVI в. архипелаг попадает и на европейские карты. Приоритет России в открытии архипелага не вызывает сомнений. Об этом говорит его название – Новая Земля, – закрепившееся в европейской географической и картографической традиции, многочисленные русские топонимы⁴, а также

© 2017 г. С.А. Никонов

Статья подготовлена при поддержке РФФИ и правительства Мурманской области («Промысловая колонизация и коренные народы Крайнего Севера Европейской России в XVI–XVIII веках: опыт хозяйственного взаимодействия и разрешения конфликтных ситуаций»), проект № 17-11-51001 а(р).

¹ В научной литературе высказаны две точки зрения о времени открытия русскими Новой Земли и начала их хозяйственной деятельности на ней. Согласно первой, архипелаг открыли в XI–XII вв. По второй версии, основанной на русских и иностранных источниках, острова стали известны русским на рубеже XV–XVI вв. Анализ историографии проблемы см.: Булатов В.Н., Попов Г.П. Новая Земля: мифы и реальность // *Terra Incognita Арктики* / Ред.-сост. В.Ф. Толкачёв. Архангельск, 1996. С. 7–19; *Беляев Д.П.* Архипелаги акватории Баренцева моря: история освоения и изучения (вторая половина XIX – первая треть XX вв.). Мурманск, 2010. С. 26–28.

² Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / Пер. Ю.В. Готье. Л., 1937. С. 107.

³ *Вейр Х.* Арктические плавания Виллема Баренца 1594–1597 гг. / Пер. И.М. Михайловой. Под общ. ред. П.В. Боярского. М., 2011. С. 45, 77, 148–150, 153–156, 210–212. Я. ван Линсхотеном сделан и рисунок поморского креста, поставленного на Новой Земле (Там же. С. 210–211).

⁴ В конце XVIII в. зафиксировано 112 русских топонимов Южного и Северного островов Новой Земли. Около половины из них сохранились до настоящего времени (*Визе В.Ю.* Старинные русские названия на Новой Земле // *Летопись Севера*. Вып. 1. М.; Л., 1949. С. 107–122).

устойчивое представление об архипелаге как острове. В европейской географической традиции до начала XVIII в. Новая Земля рассматривалась как полуостров, являющийся частью материковой Сибири⁵.

Начатое ещё во второй половине XVIII в., изучение Новой Земли двигалось в основном в двух направлениях: истории географических открытий России в Арктике⁶ и государственной политики на архипелаге. Последнее предполагало исследование таких направлений деятельности, как изыскание серебра и колонизация на рубеже XIX–XX вв.⁷ В стороне от внимания исследователей оставалось стихийное промысловое освоение Новой Земли в XVI–XIX вв. Если этот вопрос и затрагивался, то только косвенно, как часть истории географических открытий⁸. Тем не менее непригодные к жизни острова в течение нескольких столетий притягивали поморов, отправлявшихся сюда на добычу крупных морских млекопитающих (моржа, нерпы, гренландского тюленя), белого медведя, пушных зверей, птицы и рыбы. Учитывая, что эти экспедиции были сопряжены со многими опасностями и нередко заканчивались гибелью целых отрядов, возникает вопрос: что обеспечивало их постоянную активность на архипелаге? По всей видимости, такая устойчивость основывалась на социальной организации промысла.

Уже первые исследователи истории Новой Земли обратили внимание на артель как форму трудовой кооперации и организации промысла. В работах учёных второй половины XVIII в., а также в «Атласе Архангельской губернии» 1797 г. нашли отражение некоторые черты новоземельской артели: численность, взаимоотношения с организатором (хозяином), внутренняя структура и распределение обязанностей, условия жизни в период промысла⁹. Эти данные, как

⁵ Сидоров К.В. Новая Земля на картах XVII в. // Летопись Севера. Вып. 2. М., 1957. С. 107–119.

⁶ Обзор плаваний к берегам Новой Земли. СПб., 1873. С. 1–69; Житков Б.М. Новая Земля. М., 1903. С. 11–59; Визе В.Ю. Моря советской Арктики. Очерки по истории и исследования. М.; Л., 1948. С. 94–115; Маеродин В.В. Русское полярное мореходство и открытия русских поморов на севере Европы с древнейших времён и до XVI века // Вопросы истории. 1954. № 8. С. 94–108; Белов М.И. Арктическое мореплавание с древнейших времён до середины XIX в. // История открытия и освоения Северного морского пути. Т. 1. М., 1956. С. 50–62, 382–390, 459–490; Пасецкий В.М. Первооткрыватели Новой Земли. М., 1980; Боярский П.В., Сметанин В.В., Соколов Ю.И., Химчук Н.В. История освоения полярного архипелага Новая Земля / Под общ. ред. П.В. Боярского. М.; Белушья Губа, 2005. С. 11–75; Окладников Н.А. Российские колумбы: Мезенские полярные мореходы и землепроходцы (XVI – начало XX в.). Архангельск, 2008. С. 7–80; Беляев Д.П. Указ. соч.

⁷ Белов М.И. Указ. соч. С. 62–66; Булатов В.Н., Попов Г.П. Указ. соч. С. 44–51; Беляев Д.П. Указ. соч. С. 59–78.

⁸ Аналогичная ситуация выявляется и в случае с изучением русского освоения Шпицбергена. Дискуссионным вопросом, по которому расходятся позиции российских и норвежских исследователей, остаётся проблема начала русского освоения архипелага. Организация промысла практически не исследуется. Бегло этот вопрос затронут в работе М.М. Дадькиной и А.В. Крайковского (Дадькина М.М., Крайковский А.В. «Грумант угрюмый»: источники по истории поморских промыслов на Шпицбергене в XVIII – начале XIX века // Материалы XVIII Всероссийской научной конференции «Писцовые книги и другие массовые источники по истории России XVI–XX веков», 26–27 июля 2013 г. Н. Новгород, 2014. С. 68–70.

⁹ Исследование В.В. Крестинина «Географическое известие о Новой Земле», первоначально опубликованное в «Новых ежемесячных сочинениях» (1788), затем включено в работу И.И. Лепёхина (Лепёхин И.И. Путешествия академика Ивана Лепёхина. СПб., 1805. С. 143–148). См. также: Озерецковский Н.Я. Описание моржового промысла // Архангельские губернские ведомости. 1846. № 40. С. 605–606. Отрывок из «Атласа Архангельской губернии» опубликован О.В. Овсянниковым (Топографическое и историческое описание города Колы / Овсянников О.В. Север Кольского полуострова – контактная зона XVI в. // Исторические связи Русского Севера и Норвегии (к 200-летию города Вардø). Архангельск, 1989. С. 23–25).

правило, получены учёными от самих промышленников. Н.Я. Озерецковский опубликовал и «Морской устав» новоземельских промышленников, составленный в середине XVIII в. по распоряжению графа П.И. Шувалова¹⁰.

Глубокий анализ проблемы новоземельской артели нашёл отражение в работах П.С. и А.Я. Ефименко. П.С. Ефименко была охарактеризована иерархическая структура артели (руководители — хозяин и кормщик, работники — покрученики), формы объединений (простая артель, организованная хозяином; сложная артель, состоявшая из нескольких самостоятельных артелей, объединявшихся во время промысла)¹¹. Последний тип артели носил название «котляны». В отличие от предшественников А.Я. Ефименко опиралась не только на современные ей этнографические материалы второй половины XIX в., но и использовала источники XVII — начала XVIII в. Для XVII в. она выделила две формы артели: организованная на началах равенства и на началах покрута. В последней форме артели все издержки на судно, орудия промысла, продукты, рабочую одежду принимались на себя хозяином, а работники вкладывали только свой труд. Это вело к неравенству в распределении доходов, когда большая часть доставалась организатору¹². Такой тип артели выявлялся по материалам Холмогорского архиерейского дома.

Отмечу, что в предреволюционный период новоземельская артель не стала объектом специального исследования, как это произошло с артелью мурманского рыбного лова. Даже в обобщающей работе Н.Я. Данилевского, посвящённой развитию рыболовного и зверобойного промыслов Русского Севера, не нашлось места для её характеристики¹³. Причиной этого, на мой взгляд, стало то, что на протяжении XIX в. происходил упадок поморского промысла на Новой Земле, вытеснявшегося норвежскими китобоями¹⁴. Схожая ситуация наблюдалась и на Шпицбергене¹⁵. Вопрос о новоземельской артели исследован в работах выдающегося исследователя культуры Поморья Т.А. Бернштам. В ряду

¹⁰ Список устава Озерецковский получил от архангельского историка А.И. Фомина (1733–1802). Публикация устава: *Озерецковский Н.Я.* Указ. соч. № 41. С. 623–627; № 42. С. 638–640. Впоследствии устав несколько раз переиздавался.

¹¹ *Ефименко П.С.* Сборник народных юридических обычаев Архангельской губернии. Архангельск, 1869. С. 171–173.

¹² *Ефименко А.Я.* Артели Архангельской губернии. Ч. 1. Артели для ловли морских зверей // Сборник материалов об артелях в России. Вып. 1. СПб., 1873. С. 10–11.

¹³ *Данилевский Н.Я.* Исследования о состоянии рыболовства в России. Т. 6. Рыбные и звериные промыслы на Белом и Ледовитом морях. СПб., 1862. С. 158.

¹⁴ *Давыдов Р.А.* Российский опыт определения границ территориальных вод и охраны морских ресурсов в Евро-Арктическом регионе (1860-е — начало 1910-х гг.). Архангельск, 2009. С. 28–40. По данным Н.М. Книповича и Л.Л. Брейтфуса, в 1880–1890-х гг. на Новую Землю из Поморья отправлялось не более 5–7 судов (*Книпович Н.М.* О рыбных и звериных морских промыслах Архангельской губернии. СПб., 1897. С. 30; *Брейтфус Л.Л.* Морской звериный промысел в Белом море и Северном Ледовитом океане. СПб., 1905. С. 9–10).

¹⁵ *Нильсен Й.П.* «Прошай, багюшка ты Грумант!». Зверобойные промыслы поморов и норвежцев на Шпицбергене. Сопоставление традиций // «Уведи меня, дорога...»: Сборник статей памяти Т.А. Бернштам. СПб., 2010. С. 75–78; *Гортер А.А., Гортер В.Т., Минаева Т.С.* Памятники поморской промысловой культуры на 80° северной широты // Соловецкое море: Историко-литературный альманах. Вып. 10. Архангельск; М., 2011. С. 90–91; *Минаева Т.С., Гортер В.Т.* Поморское и норвежское освоение Шпицбергена в первой половине XIX века // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2013. № 4. С. 5–10; *Минаева Т.С., Гортер В.Т.* Освоение поморами Северного Шпицбергена в конце XVIII — начале XIX века // Скандинавские чтения 2012 года: Этнографические и историко-культурные аспекты. СПб., 2014. С. 117–128.

других артельных объединений, создаваемых для рыбного и звериного промыслов, объединения новоземельских промышленников отличались высокой формой организации. В целом, характеристика артели основывается на работах предшественников и «Морском уставе» новоземельских промышленников¹⁶.

Анализ историографии показывает, что организацию промысла в отдалённом районе Европейской Арктики исследователи сводили по преимуществу к артели как к форме трудовой кооперации, основанной на принципах иерархии и способной вступать в сотрудничество с другими артелями в период промысла. Понимание артели как социальной организации сформулировано А.А. Исаевым, выделившим такие её черты, как демократизм и равноправие в деле достижения общих хозяйственных целей¹⁷. Но если Исаев понимал артель только как временное объединение, то Бернштам видела в ней промысловую или даже мужскую общину, основанную на нормах обычного права крестьянской общины¹⁸. В изучении новоземельской артели исследователи не выходили за пределы второй половины XVIII – XIX в., что связано как с опорой на современный им этнографический материал (рассказы поморов), так и с отсутствием попыток выявить исторические свидетельства организации промысла в более ранний период.

Полагаю, что социальная организация не сводится только к артели, хотя последняя и составляет основу промысла. Организация связана с порядком комплектования артелей, распределением функций между организатором и работниками, ролью отдельных лиц в обеспечении успешного ведения промысла. Наконец, немаловажной является и проблема распределения доходов.

Ценным источником для изучения вопроса являются материалы монастырских архивов Поморья. Мною рассмотрены хозяйственные документы XVII – начала XVIII в. трёх духовных организаций: Николо-Корельского и Красногорского Богородицкого монастырей, а также Холмогорского архиерейского дома¹⁹.

По всей видимости, первым отправлять артели на моржовый промысел стал Красногорский Богородицкий монастырь. Этому могло способствовать его географическое положение (вблизи современного поселка Пинега Архангельской обл.). Начало промысловой деятельности монастыря относится к середине XVII в. На это указывает грамота царя Алексея Михайловича двинскому воеводе Б.И. Пушкину от 1 февраля 1653 г., предписывавшая не брать с монастырских артелей «рыбного, и звериного, и салного промыслу» дополнительные таможенные пошлины в Архангельске и Мезени. В грамоте сообщается, что в летнее время обитель отправляла на морской звериный лов два коча²⁰. Приходо-расходные книги Красногорского монастыря фиксируют его

¹⁶ Бернштам Т.А. Поморы: формирование группы и система хозяйства. Л., 1978. С. 157–158.

¹⁷ Исаев А.А. Артели в России. Ярославль, 1881. С. 9–18, 21.

¹⁸ Бернштам Т.А. Поморы... С. 162–163; Бернштам Т.А. Русская народная культура Поморья в начале XIX – начале XX в. // Бернштам Т.А. Народная культура Поморья. М., 2009. С. 83.

¹⁹ Детально исследованы только приходо-расходные книги Николо-Корельского монастыря (Иванов В.И. Бухгалтерский учёт в России XVI–XVII вв.: Историко-источниковедческое исследование монастырских приходо-расходных книг. СПб., 2005. С. 26–31, 52–56). Порядок ведения хозяйственной документации Красногорского монастыря и Холмогорского архиерейского дома пока остаются неизученными.

²⁰ Государственный архив Архангельской области (далее – ГА АО), ф. 309, оп. 2, д. 38, л. 2–3. Данная привилегия подтверждена жалованной грамотой царей Иоанна и Петра Алексеевичей Красногорскому монастырю, выданной 13 марта 1684 г. (Там же, д. 67, л. 1–6).

участие в новоземельском промысле с 1665 г. Казначейские книги за более ранний период не выявлены. Сохранившаяся хозяйственная документация позволяет проследить участие этой небольшой обители в промысле с 1665 по 1695 г., правда, с некоторыми хронологическими лакунами. В 1700 г. два коча, отправленных Красногорским монастырём на Новую Землю, были затёрты льдами, что вынудило промышленников зимовать на архипелаге, а на следующий год при возвращении домой один из кочей разбился у острова Вайгач. В результате крушения погибла вся добыча и инвентарь²¹. Понесённые убытки, скорее всего, не позволили возобновить деятельность.

С 1690 г. промысел на Новой Земле организовал Николо-Корельский монастырь²². Его деятельность на архипелаге прекратилась после 1701 г. по неизвестной причине²³. Возможно, этому способствовали неблагоприятные политические и экономические факторы, в частности, временный запрет на организацию промысла из-за военной угрозы со стороны Швеции²⁴.

Позже других начал отправлять артели на Новую Землю Холмогорский архиерейский дом. В 1694 г. в послании царям Иоанну и Петру Алексеевичам архиепископ Афанасий (Любимов) сообщал о начале промысла на Новой Земле²⁵. Но начатое предприятие оказалось неудачным. В августе 1695 г. во время возвращения три коча попали в шторм, два из них потерпели крушение под Нёноксой и в районе мыса Канин Нос²⁶. Погибли суда и добыча, но артель не пострадала. В 1696 г. ситуация повторилась: при возвращении разбился один из трёх кочей²⁷. Возможно, такая последовательность трагических обстоятельств могла привести к сворачиванию деятельности архиерейского дома на Новой Земле. Отправка артелей происходила в мае, а осенью они возвращались обратно. Случаи ведения промысла монастырями и архиерейским домом в течение

²¹ Историческое описание Красногорского монастыря / Сообщ. Макарий, епископ Архангельский и Холмогорский. М., 1880. С. 21. Коч – морское палубное парусное судно, предназначенное для хода во льдах. В литературе выделяются два типа кочей: малый и большой. Последний тип имеет два подтипа – новоземельский и гумантский. Отдельные части конструкции коча выявлены в ходе археологических экспедиций в приполярной Сибири (Мангазея) и на Шпицбергене. Предпринимаются и попытки реконструкции этих судов. (Михайлов С.В. Древнерусское судостроение // Летопись Севера. Вып. 1. М., 1949. С. 104; Белов М.И. Указ. соч. С. 203–212; Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. Т. 1. Мангазейский морской ход. Л., 1980. С. 108–127; Старков В.Ф. Очерки истории освоения Арктики. Т. 2. Россия и северо-восточный проход. М., 2001. С. 53–77; Старков В.Ф., Черноswiftов П.Ю., Дубровин Г.Е. Материальная культура русских поморов по данным исследований на архипелаге Шпицберген. Вып. 1. Остатки судов. М., 2002; Наймарк М.Л., Кухтерин С.А., Филлин П.А. Реконструкция коча XVII века // Соловецкое море: Историко-литературный альманах. Вып. 12. Архангельск; М., 2013. С. 8–20.

²² Первые данные в приходо-расходной книге приказчика Холмогорской службы старца Иесея (1690–1691 гг.) (ГА АО, ф. 191, оп. 1, д. 896, л. 18–19 об.).

²³ РГАДА, ф. 1389, оп. 1, д. 686, л. 1–5.

²⁴ Царским указом воспрещался выход в море на Мурманском берегу и на Новой Земле ввиду военной опасности. Дата выхода указа не установлена. В.В. Брызгалов и Ю.Н. Беснятых датируют его временем после июня 1701 г. (Беснятых Ю.Н. Архангельск накануне и в годы Северной войны 1700–1721. СПб., 2010. С. 325–326).

²⁵ Верюжский В. Афанасий, архиепископ Холмогорский. Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет её существования и вообще Русской Церкви в конце XVII в. СПб., 1908. С. 423–424, примеч. 107.

²⁶ Архив Санкт-Петербургского института истории РАН (далее – Архив СПбИИ РАН), кол. 11, оп. 1, д. 107, л. 135–135 об., 140 об.

²⁷ Там же, д. 108, л. 103 об. Эти факты уже отмечены в историографии. См.: Белов М.И. Указ. соч. С. 56.

года, как это делали крестьянские артели во второй половине XVIII – XIX в.²⁸, неизвестны.

Таким образом, для Николо-Корельского монастыря и Холмогорско-архиерейского дома организация морского звериного лова была скорее эпизодом в хозяйственной деятельности, Красногорский же помимо новоземельского промысла занимался добычей морского зверя в прибрежных районах Зимнего берега Белого моря – Моржовце и Кедах²⁹. Численность артелей связана с экономическими возможностями монастырей и архиерейского дома, в том числе и с тем, сколько кочей они могли выставить. Холмогорский архиерейский дом в 1695–1696 гг. отправлял на Новую Землю три коча; Красногорский монастырь в 1680–1690-х гг. – два³⁰. Николо-Корельская обитель, не имевшая своего судна, арендовала его у промышленников. Численность артели свидетельствует о том, что это был один коч. Для Холмогорского архиерейского дома полное количество работников артели выявляется только для 1695 г. – 45 человек³¹. Николо-Корельский монастырь снаряжал стабильные по количеству промышленников артели, состоявшие в 1690–1692 гг. из 13, а в 1700–1701 гг. – из 14 человек³². Численность артели Красногорского монастыря колебалась от 13 до 31 работника³³. Отмечу, что сведения приходо-расходных книг не всегда позволяют получить точное представление о количестве промышленников. В среднем на коч приходилось от 10 до 15 промышленников.

Приходо-расходные книги нередко раскрывают территориальное происхождение работников артели, что даёт возможность составить представление о районах происхождения промышленников. Анализ этих данных позволил прийти к выводу, что значительная часть промышленников связана с тремя районами Русского Севера – Подвиньем³⁴, Мезенью³⁵ и Пинегой³⁶ (см. табл. 1).

²⁸ Факты зимовок промышленников отмечены в этнографической литературе. См.: *Ленёхин И.И.* Указ. соч. С. 151–153; *Максимов С.В.* Год на Севере. Архангельск, 1984. С. 390–394. Данные о зимовках новоземельских промышленников приводит Н.А. Окладников (*Окладников Н.А.* Указ. соч. С. 30, 32, 34–36, 68, 73, 76–80).

²⁹ Моржовец – остров в Мезенской губе Белого моря; Кеда – мыс Воронов Зимнего берега Белого моря. Оба района служили местом зверобойного промысла, продолжавшегося с февраля по март.

³⁰ В 1690 г. монастырь отправил на Новую Землю помимо двух кочей «малую лодью» (ГА АО, ф. 309, оп. 3, д. 2, л. 16).

³¹ Архив СПбИИ РАН, кол. 11, оп. 1, д. 107, л. 133–134 об., 138–140.

³² ГА АО, ф. 191, оп. 1, д. 896, л. 18–19 об.; д. 914, л. 12 об.–14, 34–34 об.; оп. 4, д. 64, л. 1–1 об., 2 об., 13–14; РГАДА, ф. 1389, оп. 1, д. 684, л. 1 об.–4; д. 686, л. 2 об.–4 об.

³³ ГА АО, ф. 309, оп. 3, д. 6, л. 12 об.–13 об., 21; д. 13, л. 11 об.–13 об.; оп. 4, д. 4, л. 8 об.–11, 33–41 об., 67 об.–69 об., 87 об.–89, 92 об.–93, 95 об., 97 об., 99, 105 об.–109, 116–117, 118; д. 5, л. 9–10, 16–17, 31–31 об., 34; оп. 5, д. 5, л. 73 об.–74, 79, 88 об.; д. 8, л. 29 об., 31 об., 36; д. 9, л. 12 об.–13; д. 11, л. 26–30, 32–32 об., 34 об.; д. 12, л. 22 об., 26 об., 28–30 об., 42–43, 46 об.; д. 15, л. 5 об.–6 об., 26–27; д. 16, л. 3, 13–16, 49–50, 51–51 об., 57 об.–59, 74 об.–77, 101–103 об., 111.

³⁴ Города Архангельск, Холмогоры; волости Айногорская, Быстрокурская, Койдокурская, Койдокурье Нижнее, Кривецкая, Курейская, Куростровская, Матигорская, Матигоры Борисоглебские, Ровдогорская, Ухтоостров Богоявленский, Чухченемская; Емецкий стан.

³⁵ Волости Долгая Щель, Кузнецовская.

³⁶ Волости Валдокурская, Волок Пинежский, Вонгская, Немнюга, Перемская, Петрогорская, Пильегорская, Покшеньгская, Сояльская, Чакольская, Чушельская, Юрельская; деревни Володорская, Заозерская Волокпинежской волости, Малетинская, Озерки, Окатовская (Окатова Гора) Сояльского стана, Першковская, Хаймусовская, Чертковская, Чушельская, Чучепальская, Юберская.

**Территориальное происхождение промышленников
новоземельского промысла (количество человек)**

Район	Красногорский монастырь	Никола-Корельский монастырь	Холмогорский архиерейский дом
Подвинье	1	22	40
Мезень	1	3	—
Пинега	86	8	9
Другие районы (важане, онежане)	2	1	—
Итого	90	34	49

Составлено по: Архив СПбИИ РАН, кол. 11, оп. 1, д. 107, л. 133–140; д. 108, л. 95, 98 об.–103; ГА АО, ф. 31, оп. 3, д. 18, л. 13–13 об.; ф. 191, оп. 1, д. 896, л. 18–19 об.; д. 1049, л. 24; д. 1065, л. 45 об.; д. 1152, л. 2 об.; д. 1177, л. 36; оп. 4, д. 64, л. 13 об.–14; ф. 309, оп. 3, д. 13, л. 11 об.–13 об., 38 об.; д. 18, л. 40 об.–41, 44 об.; оп. 4, д. 4, л. 8 об.–11, 68–69, 88–89, 92 об., 99, 105 об.–109; д. 12, л. 46 об.; оп. 5, д. 12, л. 26 об.; д. 16, л. 13–16, 49–51 об., 57 об.–59, 74 об., 101–103; РГАДА, ф. 1389, оп. 1, д. 684, л. 2 об.–4; д. 686, л. 2–5.

Из приводимых данных следует, что основу артелей (свыше 50% промышленников) составляли выходцы из районов, где находились сами духовные организации. Для Никола-Корельского монастыря и архиерейского дома это Подвинье, для Красногорского монастыря – Пинега. Полагаю, что это не случайное совпадение. В XVII–XVIII вв. крестьяне Пинеги активно занимались промыслом морского зверя на побережье Белого моря и на Новой Земле. Понятие «артель» для определения объединения промышленников используется только в приходо-расходных книгах Красногорского монастыря³⁷. В хозяйственных документах Никола-Корельского монастыря и архиерейского дома объединения определяются по территории ведения промысла как «новоземельские промышленники».

Как происходило рекрутирование работников, из источников не ясно. Известно, что с артелью заключался договор, где могли быть оговорены условия найма. Холмогорский архиерейский дом заключал его с артелью в целом: «договорено с ними, кормщиком и рядовыми промышленными людьми»; «определено на том коче всякой промысл»³⁸.

Красногорский монастырь заключал индивидуальные соглашения с промышленниками. Договор носил название «покрутной записи» или просто «записи» и составлялся перед походом промышленника на Новую Землю. В запись вносили размер выданной ссуды, которую промышленник отдавал по возвращении³⁹. Запись могла указывать район, куда отправлялся работник. Это было необходимо в том случае, если промышленник шёл не

³⁷ В приходо-расходных книгах Красногорского монастыря понятие «артель» часто используется в разных контекстах, а не только для обозначения промысловых объединений. В приходо-расходной книге строителя иеромонаха Авраамия (1664–1670 гг.) оно употребляется в следующих значениях: группа наёмных работников, выполнявшая различные поручения; спутники, сопровождавшие строителя во время поездок по делам в Холмогоры (ГА АО, ф. 309, оп. 5, д. 5, л. 10 об., 20 об., 40, 41).

³⁸ Архив СПбИИ РАН, кол. 11, оп. 1, д. 107, л. 134 об.–135, 140; д. 108, л. 95, 98 об.

³⁹ ГА АО, ф. 309, оп. 3, д. 13, л. 11 об.–13 об., 38 об.; оп. 4, д. 5, л. 31; оп. 5, д. 8, л. 29 об.; д. 11, л. 32 об., 34 об.; д. 12, л. 46 об.; д. 15, л. 5 об.–6 об., 26–26 об.; д. 16, л. 13–16, 49 об.–51 об., 57 об.–58 об., 101–103 об., 111.

только на Новую Землю, но и на остров Моржовец или Кеды. Составленная запись оставалась в монастыре и после окончания промысла и возврата ссуды передавалась промышленнику. Такую запись в декабре 1675 г. заключил крестьянин Малетинской деревни Лазарь Яковлев с условием идти в следующем году «на монастырском судне к Новой Земли кормщиком». Размер ссуды составил 4 руб.⁴⁰ Запись могла заключаться с несколькими промышленниками, если они являлись родственниками. Так, 9 декабря 1690 г. братья Федот и Кирилл Фомины, ходившие в тот год на промысел, вернули в монастырь по записи ссудные деньги в размере 2 руб. 8 коп. На документе была «уплата... подписана», а сама запись возвращена промышленникам⁴¹. В фонде Красногорского монастыря имелась запись крестьянина Еремея Лывина, данная игумену с братией за сына Ермолая в том, чтобы ему идти на новоземельский промысел в 1678 г.⁴² Индивидуальный характер носили соглашения и в артели Николо-Корельского монастыря, о чём говорит книга записная новоземельского промысла 1701 г. В ней указывается, что кормщик «порядился», а покрученики «покрутились» с монастырём. Соглашение определяло долю дохода, размер ссуды и натуральной дачи работнику⁴³.

Структура артели Николо-Корельской обители и Холмогорского архиерейского дома выглядит простой: её члены делились на кормщиков, возглавлявших артель и руководивших кочем, и покручеников – работников. Более сложной представляется структура новоземельской артели Красногорского монастыря, в составе которой числились самостоятельные промышленники на правах компаньонов. Примеры подобного сотрудничества известны для 1665 и 1668 гг., когда совместно с монастырской артелью на Новую Землю ходили уженники. Термин происходит от понятия «ужна»/«ужина», означающего часть или пай⁴⁴. Если в 1665 г. в артели был только один уженник, то в 1668 г. их насчитывалось семь. В отличие от рядовых членов артели уженники получали целый пай. Такое возможно только при условии равного с монастырём участия в организации предприятия, что предполагало вложение деньгами, предметами промысла, продуктами.

Включение в состав артели Красногорского монастыря самостоятельных промышленников известно и позже. Так, в ноябре 1675 г. доход «на их участок» получили священник Михаил и Федот Иванов⁴⁵, не принимавшие непосредственного участия в предприятии. Доход получен ими благодаря вложениям в монастырский промысел. В других записях о расчёте с артелью в приходо-расходных книгах уточняется, что некоторые покрученики получали плату из «Пахоручихины ужины», «покрута Василья Володимерова», или прямо говорится, что промышленник был «Константинов покрученик»⁴⁶. За этими формулировками скрывалась практика использования монастырём работников, нанятых другими хозяевами, не способными организовать самостоятельное предприятие.

⁴⁰ Там же, оп. 5, д. 12, л. 46 об.

⁴¹ Там же, оп. 3, д. 2, л. 16 об.

⁴² Там же, оп. 2, л. 11 об.

⁴³ РГАДА, ф. 1389, оп. 1, д. 686, л. 1–5.

⁴⁴ Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв. Вып. 3. (П–Я). СПб., 2015. С. 440.

⁴⁵ ГА АО, ф. 309, оп. 5, д. 12, л. 42.

⁴⁶ Там же, оп. 4, д. 4, л. 34, 39 об.; оп. 5, д. 12, л. 42 об., 46 об.

В период промысла могли возникать объединения нескольких артелей, называвшиеся котлянами. «Морской устав» выделяет несколько типов котлян в зависимости от условий объединения и порядка раздела добычи. Приходо-расходные книги не отражают деятельность артели в период промысла. Исключение составляет сообщение приходо-расходной книги Холмогорской службы Николо-Корельского монастыря 1690 г. Здесь упоминается котляна, в составе которой промышляла монастырская артель⁴⁷.

Наиболее ответственные обязанности выполнял кормщик — руководитель артели. Источники используют также определение к этому понятию — кочевой кормщик. В приходо-расходных книгах Красногорского монастыря встречается его синоним — хозяин. Количество кормщиков равнялось количеству судов, отправляемых на Новую Землю. Холмогорским архиерейским домом нанималось трое, Николо-Корельским монастырём — один, Красногорским — двое кормщиков. Они составляли постоянную часть артели. В артели Николо-Корельского монастыря за период с 1690 по 1701 г. известны три кормщика; один из них (Василий Федотов сын Корытов) неоднократно выходил на промысел⁴⁸. В новоземельском промысле Красногорского монастыря за период с 1665 по 1695 г. участвовали десять кормщиков, шестеро из них возглавляли артель неоднократно⁴⁹.

Если для Николо-Корельского монастыря и Холмогорского архиерейского дома источники не позволяют выявить взаимоотношения духовных организаций и кормщиков за рамками хозяйственной деятельности, то приходо-расходные книги Красногорского монастыря дают такую возможность. Четверо из постоянно действовавших кормщиков были его вкладчиками. Один из них — Михаил Устьянец, известный по приходо-расходным книгам 1665—1694 гг. Он обладал определённым авторитетом в монастыре, о чём говорит его включение в состав собора обители, принимавшего наиболее важные решения⁵⁰. Устьянец выполнял различные поручения: сапожничал⁵¹, ездил по делам обители в города (Архангельск, Холмогоры, Мезень, Москву)⁵², был приказчиком монастырской службы в Пустозерске⁵³. Неоднократно его отправляли на звериную ловлю на Зимней стороне и Кеды, где он выполнял обязанности либо руководителя, либо закупщика промысловой продукции. Для этого ему вручались значительные суммы⁵⁴, что говорит о доверии к нему. Нередко рядом с Устьянцем в источниках упоминается другой монастырский вкладчик — Евдоким

⁴⁷ Там же, ф. 191, оп. 1, д. 897, л. 4 об.

⁴⁸ В 1690—1692, 1694—1696, 1698—1700 гг. (Там же, д. 896, л. 18; д. 897, л. 2, 3 об.; д. 914, л. 12 об.—13, 34; д. 970, л. 7—7 об.; д. 987, л. 66 об.; д. 988, л. 16, 69; д. 1049, л. 12, 24; д. 1054, л. 32 об.; д. 1082, л. 11, 19, 21 об., 23 об., 60—61 об.; оп. 4, д. 64, л. 1—1 об., 2 об.; РГАДА, ф. 1389, оп. 1, д. 684, л. 1 об.

⁴⁹ Это Михаил Иванов сын Устьянец (1668, 1673—1674, 1680 гг.), Исаак Куроптев (1687—1689, 1695 гг.), Гришка Пыня (1665, 1668 гг.), Юуда (Юда) Семёнов сын Федухин (1683—1684, 1687—1689 гг.), Иван Сторожев (1673, 1675 гг.), Лазарь Яковлев (1675—1676, 1682 гг.).

⁵⁰ ГА АО, ф. 309, оп. 5, д. 12, л. 6 об., 45.

⁵¹ Там же, оп. 3, д. 6, л. 22 об.; оп. 5, д. 5, л. 53 об.—54, 69 об.

⁵² Там же, оп. 3, д. 15, л. 2 об., 4 об.; оп. 5, д. 5, л. 36, 48; д. 8, л. 22, 30 об.—31; д. 16, л. 4.

⁵³ Известно его пребывание в должности приказчика за 1680, 1684—1691 гг. (Там же, оп. 3, д. 11, л. 6; д. 13, л. 14 об., 20; оп. 4, д. 5, л. 10 об., 27 об.—28, 34 об., оп. 5, д. 5, л. 5, 6, 8—8 об.; д. 16, л. 30—31 об., 78 об., 85, 96 об., 108 об.).

⁵⁴ В марте 1684 г. было выдано 400 руб. «для салной и кожной покупки» (Там же, оп. 5, д. 16, л. 20). Для сравнения, стоимость постройки коча (без такелажа) колебалась от 8 до 11,5 руб. (Там же, оп. 3, д. 13, л. 2 об., 11; оп. 4, д. 4, л. 118 об.; оп. 5, д. 5, л. 78 об.). На выданную вкладчику сумму можно было купить целую флотилию — от 40 до 50 судов.

Фёдоров сын Брызгалов, ходивший в 1674 г. новоземельским кормщиком. Обоих вкладчиков совместно отправляли на зверобойные промыслы для закупки товаров. Через Брызгалова в Архангельске осуществлялся расчёт с вернувшимися новоземельскими промышленниками, он принимал деньги по кабалам и за аренду (кортому) монастырского двора, амбара и ямы, где вытапливали и хранили сало морских млекопитающих и складировали используемые для этого котлы⁵⁵.

Вкладчиками были ещё два новоземельских кормщика – Григорий Пыня и Исаак Куроптев. О Пыне известно мало: как и других вкладчиков, его посылали по монастырским делам в Холмогоры⁵⁶. Деятельность Куроптева прослеживается по приходо-расходным книгам с 1669 г., когда он совместно с семьёй поступил в обитель⁵⁷, до 1695 г. В отличие от Устьянца и Брызгалова этому вкладчику давали более однообразные поручения: деловые поездки в Холмогоры и участие в зверобойных промыслах (Зимняя сторона, Кеды, остров Моржовец).

Монастырские вкладчики и служебники были важным звеном в организации промысла: им вверяли руководство артелью, выдавали крупные суммы для закупок, через них осуществляли передачу денег, полученных по кабалам от артели, и реализацию добычи. Они выполняли и ответственные поручения, связанные с уплатой податей или закупками «про монастырской обиход». Обращает на себя внимание мобильность вкладчиков, заключающаяся в участии в длительных дальних поездках.

По приходо-расходным книгам неизвестна градация промышленников в зависимости от выполняемых обязанностей, описанная авторами второй половины XVIII в.⁵⁸ Организация промысла на артельных началах определяла порядок получения доходов. Вся предполагаемая добыча делилась на доли (паи), а единицей расчёта, в которую слагались эти доли, было судно – коч. Количество долей превышало число работников, что позволяло организатору извлечь прибыль. Рядовые промышленники получали не целую долю дохода, а её часть⁵⁹. Таков был порядок во второй половине XVIII – XIX в. Что можно сказать о более раннем времени? Ключевым понятием, используемым в приходо-расходных книгах, является ужина (ужна)⁶⁰, имевшая два значения: доля

⁵⁵ В Архангельске монастырь имел подворье, куда после окончания сезона доставлялась добыча. Здесь на Сальном берегу стоял троежирный амбар и были вырыты три ямы, где хранили бочки с салом морских животных (Там же, оп. 3, д. 15, л. 9 об., 14 об.; оп. 4, д. 5, л. 17 об.–18; оп. 5, д. 9, л. 12–12 об.; д. 13, л. 38).

⁵⁶ Там же, оп. 5, д. 5, л. 5.

⁵⁷ В августе 1669 г. совместно с братом и матерью продал монастырю за 100 руб. свою деревню и перешёл на положение вкладчика (Там же, л. 94 об.).

⁵⁸ В зависимости от степени участия в управлении артелью выделялись такие должности, как кормщик, полукормщик, полууженщик (*Лепёхин И.И.* Указ. соч. С. 143). В зависимости от выполняемых обязанностей члены артели делились на гарпунщиков, носошников (помощник гарпунщика), забочешников (работник, следивший за веревками, к которым привязывались гарпуны, и поплавками (бочешками), указывавшими на воде местонахождение убитого зверя). См.: *Ефименко А.Я.* Указ. соч. С. 13–14.

⁵⁹ Порядок раздела добычи неоднократно описан в историографии (*Лепёхин И.И.* Указ. соч. С. 143, 147; *Ефименко А.Я.* Указ. соч. С. 11–12, 27–28).

⁶⁰ В Поморье ещё в XIX в. фиксировались такие значения понятия, как запасаемые припасы и доля извлекаемого дохода (*Подвысоцкий А.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885. С. 117, 178). Современные составители словаря в соответствующей статье отмечают только одно значение слова – доля промысла (Словарь промысловой лексики... Вып. 3. С. 440).

вложений и доля извлекаемой из него прибыли. Ужины в первом значении этого слова различались по назначению. Приходо-расходные книги всех трёх духовных организаций знают кормовую, а также судовую/кочевую ужины⁶¹. В хозяйственных документах Николо-Корельского и Красногорского монастырей регулярно упоминаются мучные ужины. Хозяйственные книги архиерейского дома такого понятия не знают.

Что скрывалось за этими определениями? Как следует из договора Холмогорского архиерейского дома с артелью, кормщик, в отличие от рядовых промышленников (покручеников), получал целый пай — кормовую ужину. Эта была плата за выполнение им обязанностей капитана и руководителя артели⁶². Кочевые или судовые ужины целиком поступали организатору — владельцу судна. В хозяйственных документах Николо-Корельского монастыря судовые/кочевые ужины не упоминаются, что является прямым свидетельством отсутствия у обитатели собственного судна. Коч, по всей видимости, арендовался у промышленников. Об этом говорит то, что кормщик В.Ф. Корытов в 1690 г. получил три ужины, а в 1700 г. — две⁶³. В последнем случае одна из ужин названа кормовой, т.е. идущей в уплату за судно. Схожая ситуация наблюдалась и в артели Красногорского монастыря. Так, кормщик Стефан Дрёма в 1682 г. получил три с половиной ужины дохода. Свыше одной ужины получали и другие кормщики — Лазарь Яковлев и Иван Сторожев (Сторожихин)⁶⁴. Не исключено, что монастырь не всегда обладал достаточным количеством судов, что вынуждало арендовать кочи у состоятельных промышленников.

Мучная ужина — вложения в обеспечение артели продуктами и, возможно, предметами промысла, которые могли осуществляться либо в денежном, либо в натуральном эквиваленте. Красногорским монастырём на одну мучную ужину в 1673, 1681—1684 гг. выделялось по 6 алтын 4 деньги⁶⁵. Выделяемые средства расходовались на предметы промысла и продукты⁶⁶. Объёмы натуральных дач практически неизвестны (за исключением сведений, содержащихся в хозяйственных документах Николо-Корельского монастыря за 1695 и 1701 гг.)⁶⁷.

Если судовые/кочевые ужины составляли постоянную величину, то количество мучных колебалось. Красногорский монастырь, рассчитывая вложения в промысел, выделял четыре судовых ужины — по две на коч. Количество мучных могло составлять от 23.5 до 26⁶⁸. Полагаю, что эти колебания обусловлены численностью артели. Количество долей добычи, как правило, превышало численность промышленников. Согласно договору Холмогорского архиерейского дома с артелью, добыча распределялась на 17 участков, в то время как на

⁶¹ В приходо-расходных книгах Холмогорского архиерейского дома вместо понятия «ужина» используется аналогичное по смыслу понятие «участок».

⁶² Архив СПбИИ РАН, кол. 11, оп. 1, д. 108, л. 95, 98 об.—99.

⁶³ ГА АО, ф. 191, оп. 1, д. 897, л. 2, 3 об.; оп. 4, д. 64, л. 1—1 об., 2 об.; РГАДА, ф. 1389, оп. 1, д. 684, л. 1 об.

⁶⁴ ГА АО, ф. 309, оп. 4, д. 4, л. 33, 92 об.; оп. 5, д. 12, л. 43.

⁶⁵ Там же, оп. 4, д. 4, л. 10, 69 об.—70, 134 об.; оп. 5, д. 16, л. 26 об.—27.

⁶⁶ В июне 1667 г. монастырь выделил 4 руб. 10 алтын на печорский коч, пошедшие на покупку сетей, холста, паруса, гвоздей и карбаса (Там же, оп. 5, д. 5, л. 60 об.—61). В мае 1673 г. новоземельскому кормщику Михаилу Устьянцу выдали деньги на покупку масла «по четыре алтына на ужну» (Там же, д. 8, л. 31 об.).

⁶⁷ Натуральные дачи включали ржаную муку, крупы, масло, рыбу, соль (Там же, ф. 191, оп. 1, д. 1054, л. 32 об.; д. 1152, л. 2 об.).

⁶⁸ Там же, ф. 309, оп. 3, д. 2, л. 16—18; д. 15, л. 10—10 об., 20—20 об.; оп. 4, д. 4, л. 10, 69 об.—70, 134 об.; д. 5, л. 10—10 об., 17—17 об.; оп. 5, д. 8, л. 31 об.; д. 16, л. 26 об.—27, 79—79 об.

коче трудились 15 промышленников⁶⁹. Доля дохода рядовых промышленников колебалась от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{5}$. Распределение ужин между рядовыми промышленниками можно проследить для Николо-Корельского и Красногорского монастырей. В последнем случае известно общее количество ужин, на которое распределялся промысел, что даёт представление о доле дохода артели в целом.

Таблица 2

**Доли дохода промысла новоземельских промышленников
Николо-Корельского монастыря (количество человек)**

Год	Четверть	Треть	Четверть и треть	Итого
1690	—	12	—	12
1691	1	8	3	12
1692	—	12	—	12
1700	2	6	5	13
1701	1	11	1	13

Составлено по: ГА АО, ф. 191, оп. 1, д. 896, л. 18–19 об.; д. 897, л. 2, 3 об.; д. 914, л. 13–14, 34–34 об.; д. 1152, л. 2 об.; д. 1177, л. 36; оп. 4, д. 64, л. 1–1 об., 2 об., 13–14; РГАДА, ф. 1389, оп. 1, д. 684, л. 1 об.–4; д. 686, л. 2 об.–4 об.

Таблица 3

**Доли дохода промысла новоземельских промышленников
Красногорского монастыря (количество человек)**

Год	Мучных ужин	Пятая	Четверть	Треть	Треть и пятая	Четверть и треть	Итого
1681	24	—	6	8	—	9	23
1682	23.5	1	4	10	—	7	22
1683	26	1	3	13	1	5	23
1684	25	—	4	13	—	6	23
1685	26	—	4	14	1	9	28
1686	—	—	2	14	—	4	20

Составлено по: ГА АО, ф. 309, оп. 3, д. 6, л. 12 об.; д. 13, л. 11 об.–13 об., 38 об.; д. 18, л. 39 об.–41, 44 об.; оп. 4, д. 4, л. 8–11, 33–41 об., 67 об.–69 об., 87 об.–89, 92 об.–93, 95 об., 99, 105 об.–109; оп. 5, д. 5, л. 36 об., 73 об.–74; д. 11, л. 26; д. 12, л. 42–43; д. 15, л. 26–26 об.; д. 16, л. 13–16, 49–51 об., 57 об.–59, 74 об.–77, 101–103 об., 111.

Подавляющее большинство промышленников Николо-Корельского монастыря (от 67 до 100%) трудились из трети ужины. Исключением является 1700 г., когда количество третчиков составляло менее 50%. Доля промышленников, работавших из четвертой части ужины, составляла менее 10% работников артели. Те, кто трудился из большей (четверть и треть ужины) доли дохода, составляли в разные годы от 8 до 38%. В артели Красногорского монастыря представлена большая дифференциация групп промышленников в зависимости от

⁶⁹ Архив СПБНИИ РАН, кол. 11, оп. 1, д. 108, л. 95, 98 об.–99.

получаемых доходов. Здесь были как те, кто получал минимальный доход — пятую часть ужины, так и те, на кого приходились большие, чем основные (треть и четверть) части дохода (треть и пятая, четверть и треть, т.е. 0.53 и 0.58 части ужины соответственно). Третчики оказались основной группой артели, составляя от 35 до 70%. Целые доли добычи, как уже отмечалось, получали кормщики.

Материалы таблиц убеждают в том, что доля рядовых промышленников, получавших средний доход промысла (треть), составляла 50% и более. Исходя из этого, можно говорить, что внутри артели наблюдались тенденции к сохранению уравнительного принципа распределения доходов. Если суммировать доли ужин промышленников Красногорского монастыря, то общий доход артели будет равняться примерно $\frac{1}{3}$ от общего числа мучных ужин⁷⁰. Этот расчёт соответствует и данным источников. В условиях договора архиерейского дома с промышленниками прямо говорилось, что из промысла «в дом архиерейской две доли, а им, кормщику и рядовым промышленником, треть»⁷¹. Такая система распределения доходов по долям существовала и на других зверобойных промыслах Поморья.

Таким образом, основу социальной организации новоземельского промысла монастырей Поморья и архиерейского дома составляла артель. Приходо-расходные книги дают основание рассматривать её как иерархическую структуру. В состав артели на правах компаньонов входили и самостоятельные промышленники (уженники). Кооперация в артели опиралась на традиции создания крестьянских складнических объединений как в земледелии, так и в промыслах (особенно соляном и рыболовном). Эта черта крестьянской экономики Поморья получила глубокое отражение в историографии⁷². Артели комплектовались в районах Поморья, выходцы из которых поколениями участвовали в промыслах на Новой Земле. Анализ приходо-расходных книг позволил выделить два таких района — Подвинье и Пинега. Для руководства артелью духовные организации использовали уже сложившиеся социальные структуры, в частности институт вкладчиков. Это ставит на повестку дня изучение роли монастырских людей в административной и хозяйственной деятельности обитателей Русского Севера. Важными элементами социальной организации промысла были и традиционные практики крестьянского общества: договор как условие формирования объединения, поддержание уравнительного распределения доходов, использование морального и материального поощрения промышленников⁷³.

⁷⁰ В 1681 г. доля промышленников составила 9.36; в 1682 г. — 8.56; 1683 — 8.67; 1684 — 8.77; 1685 — 11.37; 1686 г. — 7.44 части от общего количества мучных ужин.

⁷¹ Архив СПбИИ РАН, кол. 11, оп. 1, д. 107, л. 134 об.—135, 140.

⁷² Особенно выделим исследование П.С. Ефименко и М.М. Богословского: *Ефименко П.С.* Указ. соч. С. 86—184; *Богословский М.М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. 2. Деятельность земского мира. Земство и государство. М., 1912. С. 1—19.

⁷³ Перед походом промышленникам в почесть покупалось вино (ГА АО, ф. 309, оп. 4, д. 4, л. 10, 134 об.; оп. 5, д. 5, л. 26 об.—27; д. 8, л. 31 об.; д. 12, л. 29—29 об.; д. 16, л. 26 об.—27, 79—79 об.).